Это был первый раз, когда Мяомяо взяла на себя инициативу обнять его.

Му Шэн был потрясен. Он не осмеливался пошевелить и мускулом. Даже дыхание казалось ему в этот момент слишком громким. Все его внимание было полностью сосредоточено на той области, которой касались ее руки, когда они обнимали его. Он почувствовал, как руки Мяомяо, обхватившие его за талию, несколько раз напряглись, затем она заговорила тихим голосом: «Мы сегодня даже не ходили в Хуачжэ. Как только сестра Му и Лю Фуи вернуться, нужно будет попросить их повторить все, что они услышали?»

Вот и все.

Его сердце наполнил… неведомый вкус.

Его никогда не заботили собственные дела, но теперь были кто-то, кого эти вещи заботили больше, чем его самого.

Он сделал паузу на мгновение, прежде чем послушно ответить: «Ммм.»

Линг Мяомяо почувствовала, что она достаточно его успокоила, и собиралась вернуть свою руку, но он быстро переместил руку и прижал ее к своей талии, как хулиган.

Мяомяо не знала, смеяться ей или плакать, она больше не сопротивлялась. В тусклом свете свечей она была связана с ним в этой причудливой позе. Внезапно она тихо произнесла: «Цзыци, ты боишься услышать эту историю?»

История Муронг Ши уже была рассказана на половину. К этому времени он должен был уже предвидеть, как стремительно будут развиваться события.

Он так долго искал истину, но в конце концов она просто возникла перед ним сама. Он хотел отвернуться от этой истины, и в то же время он начал тосковать по дому.

Молчание, последовавшее за ее словами, было долгим, поэтому она протянула пальцы и ткнула его в грудь. Она несколько раз моргнула, прежде чем сказать: «Даже если это была правда, все это в прошлом. Далеко-далеко в прошлом.»

Он был тих и мрачен как ночь, постоянно липко лаская ее талию. Он делал это так долго, что она почувствовала, как ее бока стали неприятно горячими. После многозначительного молчания он протянул руки и закрутил их вокруг нее, крепко притянув к себе.

На Мяомяо была лишь тонкая одежда, которую она только что впопыхах надела. Они так крепко прижались друг к другу, что ей стало немного не по себе. Она толкнула его в грудь, как борющееся маленькое животное.

«Мм, мне страшно.» Его глубокий голос внезапно раздался над ее головой.

Линг Мяомяо на мгновение остановилась, забыв о своей борьбе. Она подняла голову и посмотрела на его подбородок, бормоча: «Ты когда-нибудь слышал фразу: "Герой есть герой, ему не нужно рассказывать свою предысторию"?»

После того, как она закончила фразу, ей показалось, что она слишком скупилась на слова и дополнила их доказательствами своих чувств. Она нежно и неопытно поцеловала его в холодную шею. Она чувствовала себя дятлом, держащим во рту насекомое.

Он тут же напрягся, и его руки сжались вокруг нее. Все его внимание было поглощено в одно мгновение. Он запрокинул голову вверх, выждав приличное количество времени, но в итоге так и не получил второго поцелуя.

Он сделал паузу, ресницы несколько раз задрожали от обиды: «И всё?»

«….Что?» Свободная рука Линг Мяомяо все еще задумчиво играла с черным жемчугом на его одежде. Когда она внезапно услышала его вопрос, на ее лице отразилось смятение.

Глаза юноши потемнели, как ночь. Тусклый свет свечи едва очертил контур его губ, когда он крепко сжал ее подбородок. Он наклонил голову к ней, в его глазах сверкнула вода, и он нарочно сказал: «…Меня нельзя сравнивать даже с тараканами в канаве, как я могу быть героем…»

Глаза Линг Мяомяо быстро наполнились искренней, пламенной яростью. «По крайней мере, другие тараканы, кажется, находят свою жизнь довольно комфортной, совсем не такой, как ты…»

Прежде чем она закончила свои слова, она внезапно почувствовала, как боль наполнила ее сердце. Эмоции поднялись у нее в голове, и она снова обвила руками его шею, притянула к себе и еще раз поцеловала. Однако на этот раз она не ограничилась одним поцелуем. Она целовала его снова и снова… Несколько раз она даже целовала его кадык, отчего его глаза каждый раз темнели.

Только тогда она наконец отпустила его. На этот раз она не применила особой силы, оттолкнув его, говоря слегка сердитым тоном: «Что за чушь ты несешь.»

В тот момент, когда ее гнев рассеялся, она подсознательно коснулась уголка губы, прежде чем вернуться к неглубоким следам зубов, которые она оставила на его шее. В этот момент она была ошеломлена, когда на ее спине тут же выступила капелька холодного пота.

Должно быть, она уже неправильно научила черный лотос. Всякий раз, когда ей хотелось ударить его, не задумываясь, она просто подсознательно…

Прежде чем она успела закончить мысль, ее тут же перевернули и придавили. Ей казалось, что она не может пошевелить ни одной частью своего тела.

Юноша поцеловал ее волосы и тут же опустил голову, чтобы глубоко вдохнуть у ее шеи. Его руки ласкали ее талию, и он прошептал ей на ухо, спрашивая: «Как насчет еще одного раунда?»

—----------

«Пожалуйста, подождите пару секунд.» Му Яо тяжело дышала, догоняя его. «Те части истории, которые вы упустили, можете ли вы рассказать нам их полностью?»

Старик глубоко задумался, прежде чем спросить: «Даос Му, какую часть истории ты хочешь услышать?»

«Когда молодой Чжао уединился в комнате с Муронг Ши. Что же он сказал?»

Старик несколько раз потер голову, прежде чем выдавить улыбку: «Я не буду скрывать это от вас, воспоминания, которые я получил от этой бусины, были ограничены. Многие части воспоминания были сломаны или полностью отсутствовали. Таким образом, многие события были тем, что этому старику пришлось придумать самому, чтобы все это имело смысл.»

«Тогда, по вашему разумению, о чем они могли говорить?»

Он слегка выдохнул, прежде чем сказать: «Молодой дворянин Чжао пошел спросить Муронг Ши о ее личности. Сначала Муронг Ши некоторое время молчала, прежде чем сказать ему правду. Она сказала ему, что она…» — он прищурился, взглянув на Му Яо, — «Она сказала, что она не человек, что она… что она…» — старик говорил довольно неуверенно, неспособный полностью сформировать мысли и слова вместе.

«Суккуб.»[1] Лю Фуи добавил в подходящий момент. Лицо Му Яо тут же побледнело, но она не стала его прерывать.

«Верно, суккуб.» Глаза старика загорелись, когда он спросил довольно тревожным тоном: «Это суккуб… это — демон? Я просто боялся, что если я скажу это, то вызову панику, поэтому я мог только убрать эту часть истории.»

Выражение лица Му Яо стало сложным. Кончики ее пальцев подсознательно танцевали в воздухе, как будто тем самым они могли помочь ей отрицать реальность: «Она действительно была суккубом?»

Лю Фуи продолжил: «Суккубы рождаются неспособными лить слезы. Однако, если их печаль достигнет крайности, они прольют кровавую слезу. В прозрачных слезах, которые они

прольют, будет кровавая жемчужина.»

Он на мгновение остановился, прежде чем поднять руку, чтобы дать старику знак продолжать.

«На выражение лица молодого дворянина Чжао стало очень трудно смотреть. Он снова и снова спрашивал ее, почему она хотела соблазнить и очаровать его, почему она хотела его обмануть?»

«Муронг Ши некоторое время была ошеломлена, прежде чем наконец ответила, что она этого не делала. Однако молодой дворянин Чжао не поверил ей и, по-видимому, был на грани ярости, собрал свои вещи и вскоре ушел.»

«Молодой дворянин Чжао был тщеславным и высокомерным человеком. Если у него возникало предвзятое мнение, то ему было очень трудно изменить его. Он был просто упрям и самоуверен до крайности.»

«Чем больше его волновало это дело, тем больше он подозревал и, в конце концов, тем более нелепыми становились его мысли.»

«Суккубы от природы обладали чрезвычайно красивой внешностью. Это были существа, которые естественным образом могли очаровывать людей еще в утробе матери. Таким образом, как бы она ни пыталась объяснить, что она искренна, как люди могли ей поверить?»

Му Яо и Лю Фуи потеряли дар речи. Спустя долгую, содержательную паузу Лю Фуи повернулся к уху Му Яо и произнес несколько слов. Вскоре Му Яо развернулась и пошла обратно в Хуачжэ.

Как только она зашла достаточно далеко, Лю Фуи задал еще один вопрос: «Когда у нее родился ребенок, произошло ли что-нибудь странное?»

«…..» Старик некоторое время молчал. Он облизнул губы: «Когда он родился, его кожа была бледной, как снег. Уши у него были очень острые, а волосы достаточно длинные, чтобы закрыть лоб. Он тоже не плакал. Он выглядел очень странно. Однако на второй день после рождения он, казалось, снова превратился в обычного новорожденного.»

«А, точно.» Он вдруг что-то вспомнил и взмахнул руками: «Когда он был маленьким, его волосы росли ужасно быстро. За одну ночь они вырастали с его плеча до талии. В тот день, когда они покинули Хуачжэ, его мать вытащила из ящиков гигантские ножницы. Казалось, она долго колебалась, прежде чем наконец схватить его и отрезать волосы.

«Что это были за ножницы?»

Старик на мгновение вспомнил эту сцену: «Это были ножницы, которыми фермеры срезают траву. Кроме того… на ручке ножниц был небольшой полумесяц.»

«Сломанные лунные ножницы?» Лю Фуи тихо пробормотал про себя. Хоть это и не было очевидно, но внутренне он был совершенно обескуражен.

Му Яо уже вернулась и спросила: «Тогда каково было настоящее имя молодого дворянина Чжао?»

«В этом я не уверен. Я только один раз слышал, как Муронг Ши назвал его “Цинхуан”.»

Чжао… Цинхуан…

Из большого клана… Город Чанъань…

Му Яо некоторое время не могла прийти в себя. Главным героем этой истории, как ни странно, был кровный брат вдовствующей супруги Чжао… маркиз Цинъи.

Столкновение с этой ситуацией сегодня заставило ее почувствовать непреодолимое чувство страха и трепета. У ребенка, которого усыновила ее семья охотников на демонов… мать была великим демоном, с которым было чрезвычайно трудно иметь дело.

Вдобавок ко всему, этот великий демон был суккубом… в таком случае… будет ли это иметь какое-то отношение к “ней”? Или может быть…

Она глубоко задумалась: если маркиз Циньи действительно был биологическим отцом Му Шэна, как же он завладел этой нефритовой плиткой? Почему же тогда ее родители солгали ей, сказав, что они забрали Му Шэна из логова демона?

—----------

Он спал. Во сне из окна доносился непрекращающийся стук подков по дороге. Бесчисленные длинные и тонкие полосы солнечного света беспорядочно струились, освещая маленькую и узкую комнату. Его голова лежала на деревянном подоконнике, и он смотрел в окно.

Это было не здание, покрытое вышивкой, красной, как кровь. Человек, разговаривавший рядом с ним, не обладал таким тихим тоном, как у людей с юга. Время от времени мимо проносились лошади, поднимая небольшие облака пыли.

Он знал, что это не его дом.

На его обнаженной верхней части спины виднелось несколько злобно-красных шрамов. На его руках все еще оставалось несколько ярко-фиолетовых пятен, покрывающих огромную часть его кожи.

В этой скрытой и темной комнате единственная оставшаяся нить тепла и любви, которой он обладал раньше, казалось, рассеялась в небе как дым.

Женщина стояла на коленях рядом с ним на подушке перед ветхим зеркалом и делала макияж. Она надевала на свое потрясающее лицо красивую, но фальшивую маску. Ее брови, казалось, летели как крылья птицы, какими бы острыми они ни были, по сути, смертоносными мечами красавицы, несущей бедствия.

Его темные зрачки отражали купол неба над ним, медленно превращаясь из лазурно-голубых в темно-желтые.

Весь день он просидел у окна, выжидающе глядя на единственную точку света. Однако он даже не знал, кого ждет.

Иногда он просто смотрел, как ласточки строят свои глиняные гнезда под карнизами. Однако прежде чем они успели закончить строительство своих гнезд, маленькие попрошайки на улице хватали палки и тыкали в них, в результате чего гнездо падало. Затем их маленькие яйца разбивались о землю, разливая свое содержимое повсюду, медленно капая и вытекая из разрушенных глиняных гнезд.

Ласточки тогда жалобно кричали, хлопая крыльями. Они смотрели широко раскрытыми глазами, у них не осталось дома.

Нищие безжалостно улыбались, а затем карабкались и дрались из-за текущей по земле жидкости.

Он отпрянул, чувствуя, что кончики пальцев, которые он оставил за окном, похолодели.

Тень собралась над его головой. Волна некачественных духов, исходившая от ее тела, казалось, окутала его, когда она подошла. Он повернул голову, и она возвышалась над ним, глядя на него сверху вниз. В ее легкой улыбке был намек на холодность: «Голодный?»

Он неестественно моргнул несколько раз, а затем погладил живот. Он поджал губы и произнес тихим, как комариный писк, голосом: «Голодный.»

«Голодный, хм.» Она улыбнулась и медленно опустилась на колени. Она обвила рукой его шею, затем повернула его голову, заставляя его смотреть на улицу. Ее холодные кончики пальцев заставили его почувствовать, как по его спине пробежала дрожь. «Видишь это?» Она указала на нескольких больных нищих снаружи. «Тогда иди и поешь с ними.»

Он постоянно вжимался назад, глубокое чувство беспокойства наполняло его зрачки: «Мама…»

«Твоя мать не может тебя растить.» Она сделала окончательный вывод, чрезвычайно зловещая улыбка украсила ее лицо. «Если ты пойдешь попрошайничать, то проси самого лучшего. Если не можешь, тогда просто иди и укради это.»

Она посмотрела на него, и смех наполнил ее темно-бордовые глаза. Это было похоже на неисполнимое проклятие: «Если ты даже этого не можешь сделать…» Ее красивые манящие красные губы слегка приоткрылись: «Тогда просто умри.»

«…» Он вздрогнул, и как только она обернулась, он прыгнул вперед и в панике обнял ее за бедро. Он выглядел как утопающий, хватающийся за последнюю соломинку.

«Мама….» Его голос был похож на маленького зверя, умоляющего в ужасе и страхе: «Я услышал, я понял это…»

Пожалуйста, не бросай меня…

Она внезапно повернула голову. Ее накрашенные ногти, красные от киновари, резко схватили его маленькую шею и тотчас же прижали к короткому окну.

Взгляд ее глаз был полон бурной обиды: «Если бы не ты, разве я оказалась бы в таком месте?»

Он открыл рот, но в конце концов не смог издать ни звука. Она ослабила руку, и он рухнул на землю, прислонившись к подоконнику. Он неоднократно кашлял, когда вокруг его белоснежной шеи начали образовываться два ярко-фиолетовых синяка.

Она снова опустилась на колени, приближаясь к нему. Свет в ее глазах, казалось, был светом человека, наблюдающего за маленьким умирающим щенком. Она ласкала его волосы с выражением жалости на лице, но все же сохраняла легкую холодность в тоне: «Маленький Шэн’эр, ты должен быть послушным. Прежде чем убить “его”, ты должен выпросить себе еды, хорошо?»

«Мама не бросает тебя. Как только ты убьешь его, мама заберет тебя. Куда бы ты ни захотел пойти, неважно, где это находится. Хорошо?»

Она успокоилась, как она и обещала необыкновенно спокойным и теплым тоном.

В конце концов, маленьких детей было легко обмануть. Им не нужно было сложно лгать или запутывать; Если она улыбалась ему, как делала это в прошлом, он немедленно делал то, что она говорила, и верил ей.

В его сердце сформировалось маленькое, нежное и осторожное ожидание. Как только это происходило, он забывал о боли, о шрамах и синяках. Он снова был рядом с ней: «Тогда… куда ты идешь, мама?»

Она молча поправила заколку, слегка улыбнувшись: «У мамы важные дела.»

Она опустила голову, лаская его лицо острыми ногтями. Несколько раз они опасно жестко терлись о его щеки: «Маленький Шэн’эр, ты хотел бы иметь сестер и братьев?»

Ее рука была очень холодной, и он почувствовал, будто это был кусок льда, касающийся его кожи. Было так холодно, что все его тело одеревенело. Он инстинктивно покачал головой.

Он думал, что она, должно быть, сошла с ума, откуда мог взяться брат или сестра?

Она радостно улыбнулась: «Хороший, очень послушный. Мама их тоже не любит — никто из них не уйдет.» [1]

—----------

Кто-то сложил обе стороны одеяла, завернув Му Шэна внутрь. Однако одеяло было слишком толстым, поэтому углы стали неровными. Она что-то пробормотала несколько раз, прежде чем повернуть тело, чтобы прижать его своим телом.

Она обняла его руками и ногами сквозь одеяло. Она была похожа на медведя, обнимающего дерево, термин "медвежьи объятия" стал подходящим описанием ситуации, исходя из того, как крепко она его обнимала.

Он открыл глаза, случайно встретившись с ней взглядом. Девушка перед его глазами была шокирована его действиями. Вскоре после этого она почувствовала себя слишком смущенной и быстро отпустила его, перекатившись в сторону.

Угол одеяла тут же отскочил вверх, и его рука выскочила из-под одеяла. Одним плавным движением он обнял ее за талию и притянул к себе. Ее щеки прижались к его солнечному сплетению, и они образовали горячий шар.

Этот вид тепла был всепроникающим, казалось, в одно мгновение распространился по всем четырем ее конечностям. Кровь в его венах наконец вернулась к нормальной скорости, и ускорила свое движение. Он словно начал вылезать из ледяной пещеры, в которую попал.

«Все еще холодно?» Она спросила.

«…»

«Ты только что дрожал.» Ее ресницы затрепетали, заставив его грудь зачесаться. Она почувствовала, что еще не может отказаться от этой темы, и снова спросила: «…Тебе все еще холодно?»

Он закрыл глаза, медленно и нежно целуя ее теплые щеки: «Больше не холодно.»

Солнечный свет, струившийся сквозь навес, теперь почти ослеплял. Везде, где светило солнце, казалось, красиво светилось теплом. Под солнечным светом девушка подошла ближе, казалось, неся с собой ореол сердечного тепла. Она открыто проникла глубоко в его объятия, крепко обнимая его.

Было тепло как во сне.

~~~~~~~~~~

[1] - перечитывала и поняла, что сцена звучит двусмысленно. Если что, Муронг Ши говорит не о гипотетических своих детях, которых может родить, а о детях маркиза Чжао и его новой жены, которым она тоже хочет отомстить. По факту они - сводные братья и сестры Му Шэна.

http://tl.rulate.ru/book/44922/3256273
~~~~~~~~~~